

Александр Кушнер

***

Вижу, вижу спозаранку
Устремлённые в Неву
И Обводный, и Фонтанку,
И похожую на склянку
Речку Кронверку во рву.

И каналов без уздечки
Вижу утреннюю прыть,
Их названья на дощечке,
И смертельной Чёрной речки
Ускользящую нить.

Слышу, слышу вздох неловкий,
Плач по жизни прожитой,
Вижу Екатерингофки
Блики, отсветы, подковки,
Жирный отсвет нефтяной.

Вижу серого оттенка
Мойку, женщину и зонт,
Крюков, лезущий на стенку,
Пряжку, Карповку, Смоленку,
Стикс, Коцит и Ахеронт.
1967

Александр Кушнер

***

Вижу, вижу спозаранку
Устремлённые в Неву
И Обводный, и Фонтанку,
И похожую на склянку
Речку Кронверку во рву.

И каналов без уздечки
Вижу утреннюю прыть,
Их названья на дощечке,
И смертельной Чёрной речки
Ускользящую нить.

Слышу, слышу вздох неловкий,
Плач по жизни прожитой,
Вижу Екатерингофки
Блики, отсветы, подковки,
Жирный отсвет нефтяной.

Вижу серого оттенка
Мойку, женщину и зонт,
Крюков, лезущий на стенку,
Пряжку, Карповку, Смоленку,
Стикс, Коцит и Ахеронт.
1967

Владимир Набоков

Исход

Муза, с возгласом, со вздохом шумным
у меня забила на руках.
В звездном небе тихом и безумном
снежный поднимающийся прах
очертанья принимал, как если
долго вглядываться в облака:
образы гранитные воскресли,
смуглый купол плыл издалека.
Через млечный путь бледно-туманный
перекинулись из темноты
в темноту - о, муза, как неожиданно! –
явственные невские мосты.
И задев в седом и синем мраке
исполинским куполом луну,
скрипнувшую, как сугроб, Исакий
медленно пронесся в вышину.
Словно ангел на носу фрегата,
бронзовым протянутым перстом
рассекая звезды, плыл куда-то
Всадник, в изумленьи неземном.
И по тверди поднимался тучей,
тускло озаренной изнутри,
дом; и вереницею текучей
статуи, колонны, фонари
таяли в просторах ночи синей,
и неспешно догоняя их,
к Господу несли свой чистый иней
призраки деревьев неживых
Так проплыл мой город непорочный,
дивно оторвавшись от земли.
И опять в гармонии полночной
только звезды тихие текли.
И тогда моя полуживая
маленькая муза, трепеща,
высунулась робко из-под края
нашего широкого плаща.
Берлин, 21.09.24

Вадим Шефнер

Наедине

Опять творится непонятное:
Туман – бесшумнее совы –
Наплывами, волнами, пятнами
На берег движется с Невы.
И фонари немymi вехами
Торчат из тихой седины,
И все автобусы уехали,
И все мосты разведены.
И мчится всадник с поручением
Ко мне – сквозь дымные столбы, -
Вручая город на прочтение,
Как книгу тайны и судьбы.

1980

Зинаида Гиппиус

ПЕТЕРБУРГ

Люблю тебя, Петра творенье...

Твой остов прям, твой облик жесток
Шершавопыльный - сер гранит,
И каждый зыбкий перекресток
Тупым предательством дрожит

Твое холодное кипенье
Страшной бездвижности пустынь:
Твое дыханье - смерть и тленье,
А воды - горькая полынь

Как уголь дни, - а ночи белы,
Из скверов тянет трупной мглой.
И свод небесный, остеклелый
Пронзен заречною стрелой

Бывает: водный ход обратен,
Вздыбась, идет река назад...
Река не смоем рыжих пятен
С береговых своих громад.

Те пятна, ржавые, вкипели,
Их не забыть, не затоптать.
Горит, горит на темном теле
Неугасимая печать

Как прежде, вьется змей твой медный
Над змеем стынет медный конь,
И не сожрет тебя победный
Всеочищающий огонь,

Нет! Ты утонешь в тине черной,
Проклятый город, Божий враг!
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк!

1909

Иннокентий Анненский

ПЕТЕРБУРГ

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где вы и где мы,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только сказки да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале, -
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь.
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравы бесплодных хотений.

1909

Александр Городницкий

Петербург

Кем вписан он в гранит и мох,
Рисунок улиц ленинградских,
На перепутье двух эпох,
Бессмысленных и азиатских?

Насильно Русь привёл сюда
Разочарованный в Востоке
Самодержавный государь,
Сентиментальный и жестокий.

Здесь, первый выплавив металл,
Одев гранитом бастионы,
Он об Италии мечтал,
О звонкой славе Альбиона.

Не зря судьба переплела
Над хмурой невскою протокой
Соборов римских купола,
Лепное золото барокко.

И меж аллей, где тишина
Порхает легкокрылым Фебом,
Античных статуй белизна
Сливается с полночным небом.

Прости же, Англия, прости
И ты, Италия седая!
Не там Владимир нас крестил -
Был прав безумный Чаадаев.

Но, утомлённые Москвой,
Купив билет на поезд скорый,
С какой-то странною тоской
Мы приезжаем в этот город.

И там, где скользкие торцы
Одела влажная завеса,
В молчанье смотрим на дворцы,
Как скиф на храмы Херсонеса.

Шумит Москва, Четвёртый Рим,
Грядущей Азии мессия,
А Петербург - неповторим,
Как Европейская Россия.

М.Ю.Лермонтов

...Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот,
Как шиш, торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — всё сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Всё удивительно и ново —
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..
— И наконец я видел море,

Но кто поэта обманул?..
Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул.
Нет! как оно, я не был волен;
Болезнью жизни, скукой болен,
(На зло былым и новым дням)
Я не завидовал, как прежде,
Его серебряной одежде,
Его бунтующим волнам. (...)